

У

тром фельдшер, уныло осмотрев чистую палату без больных, уселся в приемной на собственноручно сделанный стол. До весны еще далеко, а поди ты, солнце на небе такое сильное и яркое, что, того и гляди, снег ручьями брызнет. Морозные узоры на стеклах тают. Плачет окно. То и дело шорох: падают пласты снега с кедров, что стоят часовыми в палисаднике у больницы.

Пролетит март, апрель. Загремит лед на речке. Просвистят стремительные утиные стаи, и наступит короткое лето с белыми ночами, глубокой тишиной, далекими таежными пожарами, которые насытят ветер горьким и пряным запахом горячей смолы и хвои.

Фельдшер склонил большую седую голову на руки. Задремал. Но тут хлопнула дверь в сенцах, и он, вздрогнув, деловито раскрыл толстый журнал учета больных. Прибежал малец, красный от мороза, как морковка. Фельдшер открыл сначала один глаз, потом другой. Почесал переносицу. Малец заробел, стянул шапку.

— Ну?

— Библиотекарша наша заболела, все дома лежит, бабка ихняя меня сустрела и говорит: в больницу беги, пускай Кузьма Степаныч идет. К ним, стало быть.

— Знамо дело. Кыш!

Малец испарился. Фельдшер поднялся в «скворечню» — так он именовал мезонин, — влез в тулуп, прихватил ящик с красным крестом и, приставив к дверям больницы лопату, зашагал по единственной улице поселка.

Тайга прижимала рубленые хаты к обрывистому берегу реки. Сосны наступали строем, плечо к плечу; казалось, поднажили они еще малость — и поселок посыплется с кручи на лед. Дым из труб подпирал само небо. Мороз на сорок с привесом покалывал ноздри.

Фельдшер шел огромный, грузный, будто медведь, вставший на дыбы. Тулуп в такт шагам взвизгивал залубеневшей кожей. На куче замерзшего конского навоза сидел отчаявшийся воробей. Фельдшер выгреб из кармана крошки. Воробей склонил голову набок, но не пошевелился. На крыльце крайней избы фельдшер обмел валенки; войдя в горницу, вымыл руки и стал греть их перед зевом русской печки. Все это он делал не спеша, солидно. Тем временем бабка, яростно сморкаясь в передник и всплескивая руками, повествовала историю болезни. Выходило, что голубушка занемогла неделю назад, да все крепилась, а она, старая дура, нет чтобы обратиться к знающему человеку, так сводила ее попариться в баню. А тут как пошел бред, как пошел жар! Фельдшер выразительно посмотрел на бабку и постучал себя кулаком по лбу. Бабка в знак согласия закивала головой.

За цветастой занавеской на необъятной кровати лежала библиотекарша. Фельдшер сунул в уши костяшки стетоскопа. Рука шкарябнула по жесткой щетине щек. Он пожалел, что не побрился с утра. Библиотекарша закрыла глаза. Под маленькую грудь барахталось сердце.

— Застудилась, полежишь недельку.

А про себя отметил: «Двустороннее воспаление легких».

Фельдшер заспешил на почту давать телеграмму в район, чтобы слали пенициллин. Его вина, что не сделал этого раньше, когда вышла последняя партия. Те пузырьки лежали в шкафу, пока не кончился срок годности, и он отправил их в районную больницу, так и не вскрыв ни одной коробки. Лечить было некого. А тут на тебе!

Незаметно прошел день, как-то сразу стемнело. Фельдшер возился с самоваром. Он набросал в трубу шелухи кедровых орехов для запаха. Самовар победно стоял на столе, вскипая от самодовольства. В его никелированных боках фельдшер любил созерцать свою физиономию. Лицо, до глаз заросшее черной не в пример седой шевелюре щетиной, становилось типично лошадиным, вытянутым с боков, сплюснутым. Фельдшер скалил желтоватые зубы и, подмигивая своему изображению, тихонько ржал. Попив чаю, он непременно открывал пухлую книгу — сочинения Гиппократов. Читал, перечитывал.

Однообразие дней стирало грань времен; иногда казалось, что Гиппократ врачует в соседнем поселке. Фельдшер ловил себя на том, что, открыв книгу, не столько читает, сколько пересказывает наизусть целые абзацы.

Молодым парнем он дрался против Колчака. В одном бою его хитро ранили: не мог больше сесть в седло. За большую силу и мягкий характер взяли его в санитары. Военврач тылового госпиталя, урывая время между операциями, организовывал курсы фельдшеров. Тем, кто успешно их оканчивал, в штабе полка выдавали аттестаты. А потом белая банда наскочила ночью на госпиталь. Военврач погиб. Из его вещей фельдшер взял на память сочинения Гиппократов. С той поры время отсчитало не один десяток лет. Прошла любовь, разлетелись по свету дети, умерла жена, и только книга осталась такой же. Фельдшер бережно расправил загнутый уголок листа и глубоко вздохнул.

Звякнула щеколда, кто-то поднимался по лестнице. Вошел учитель, не снимая тулупа, присел к столу.

Помолчали.

— Что с ней, Степаныч?

— Воспаление легких.

— Опасно?

— Это бывает по-разному.

— А осложнения?

— Осложнения бывают не только от болезней.

Учитель, по достоинству оценив мудрый ответ, хмыкнул. Фельдшер, хитро прищурившись, потянулся к пачке сигарет.

Задымили.

Фельдшер рассматривал гостя внимательно. Давненько они не сидели вот так за самоваром. Учитель приехал в августе, поселился в пустовавшей больнице, пока начальство подыскивало квартиру. О чем только не переговорили в то время! Интересно: за эти полгода сумел ли парень полюбить Сибирь или только ждет подходящего момента, чтобы дать тягу?

— Степаныч, слышал я, что пенициллина нет.

— Ну нет. А что?

— Когда наступит кризис?

— Может, завтра.

— А пенициллин?

— Привезут с почтой через три дня.

— А если раньше?

— Кто пойдет?

— Я, к примеру. Завтра воскресенье.

Фельдшер бросил окурки в трубу самовара, вскользь глянул на примороженную щеку учителя. «Герой выискался! Мороз, он громадный, как небо. Гонор весь вымерзнет. Восемьдесят километров в один конец — не шутка. Однако любовь... Тут перечить не моги, шибче масла в огонь плеснешь». Так думал фельдшер, но вслух ничего не сказал.

— Спокойной ночи, Степаныч.

— И тебе тоже.

Учитель ушел, забыв на столе сигареты.

Фельдшер снял со стены дустволку, стал поправлять левый боек, а сам все думал: «Чего доброго, пойдет. Уж так сыздавна повелось: любят парни перед своими девчатами солидно выглядеть. А учитель — тем паче, геройство такое к авторитету припишется. Человек он в этих краях новый, кто о нем что знает? А тут вот, мол, мы не лыком шиты. Не нравится мне это. Риск, конечно, — вещь допустимая. Но пенициллин тут ни при чем, так, зацепка».

За полночь фельдшер вышел на крыльцо. В черное небо вмерзли звезды. Тишина стояла такая, что испугаться можно, словно вокруг ни одной живой души с начала века не было. Почудился стук лыж об укатанную дорогу, но тут из-под крыльца бесшумно вылезла собака и, усевшись, завыла. Из заиндевевшей пасти с клубами пара вылетел протяжный, безнадежный, волчий вой. Фельдшер вздрогнул всем телом и быстро поднялся наверх. Пригасив лампу, улегся спать.

Жаркая перина липла к бокам, нервно тикали ходики. Фельдшер закрыл глаза. Его подхватила бескрайняя река и, медленно покачивая, понесла к темному провалу водопада, где беззвучно расшибалась вода, ниспадая на камни. Потом фельдшеру представилось, что пришла библиотекарша. Она села к столу и начала из самовара наливать чай. Вода наполнила стакан, стала переливаться через край. Фельдшер попытался закрыть кран, но никак не мог до него дотянуться. «А ведь он все-таки пошел. Зачем?»

Фельдшер очнулся. На дворе выла собака.

Фельдшер наспех оделся, решил сходить к учителю на квартиру. Смоля на ходу

цигарку, вошел во двор через незапертую калитку и уже хотел было постучать в темное окно, но раздумал. В хлеву шумно вздохнула корова, спросонья переговаривались куры. Фельдшер вытащил карманные часы на цепочке.

«Поздно, — подумал он, — не стоит людей беспокоить. Учитель, небось, третьи сны видит».

Однако фельдшер ошибся. Учитель к этому времени успел отойти от поселка километров восемнадцать. С непривычки к длинным переходам сорвал дыхание и решил передохнуть, усевшись на клок сена. Сидеть долго не пришлось. Мороз с неумолимой жестокостью отбирал тепло, и учитель на практике убедился в правильности второго начала термодинамики: тепло передается от горячего тела к холодному, но не наоборот.

Тени сосен, призрачные в свете ущербной луны, извивались в узком лоне дороги. Левая нога вперед. Толчок. Теперь правая нога вперед. Приналечь на палки. Вот так. Размерно, без паники, поменьше думать о постороннем. Собрать всю волю, заставить тело двигаться вперед. Раз, два. Раз, два.

Учитель был уверен, что ничего не может случиться. Он благополучно дойдет до Шайтанки, займки в четыре избы, на полпути между поселком и райцентром.

Когда выработалось «второе дыхание», учитель пошел увереннее и быстрее. Он было занялся анализом вопросов: «Зачем пошел? Кому нужен такой героизм? Не лучше ли валяться под теплым одеялом?» Но оборвал себя, сказав вслух: «Ладно, разберемся. Достанем пенициллин и тогда пофилософствуем».

«Странно, — думал учитель, на мгновение остановившись, чтобы закурить сигарету, — почему человек не может просто сделать доброе дело без всяких интенций по этому поводу и борьбы с воображаемым подлым двойником? Как только станешь на перекутке, так мозги сразу заедает». Учитель посмотрел на часы. Светящиеся стрелки, как ножницы, собрались разрезать цифру шесть.

Дорога круто повернула вправо, пересекла болото и, взбежав на пригорок, растеклась по двору бревенчатой избы, пегому от навозных куч. Сани целили в небо оглоблями; заиндевшие лошади дремали, вздрагивая боками.

В просторной комнате на кроватях, составленных по-армейски, храпели постояльцы. Лампа, подвешенная к потолку, коптила. Из простенка, что рядом с печкой, выбрался хозяин. Прикрыв зевающий рот пятерней, уставился выжидательно.

На заскорузлом столе тускло блеснули консервная банка без этикетки, прихваченная ржавчиной, начатая залапанная бутылка спирта, заткнутая бумажной пробкой, кусок хлеба и гнутая вилка. Учитель разлил спирт в две алюминиевые кружки. Хозяин оживился, натолкал в печь дров, пламя загудело спросонок. На столе появилась миска холодных пельменей.

— Далеко?

— В район.

— Своим ходом?

— Да.

— Крепко, паря.

— Может, кто подвезет?

— Есть такой.

Хозяин подошел к койке, стянул со спящего мужика тулуп, но тот вцепился в него мертвой хваткой, лягнул ногой.

— Брось баловать. Брезжит, запрягать пора.

Мужик спрыгнул с койки, закурил. Подсев к столу, деликатно подцепил пальцами пару пельменей, съел. Вытер руку о штаны и покосился на бутылку.

— Попутчик тебе сыскался, — сказал хозяин.

— Это можно.

Учитель подвинул мужику свою кружку. Тот бережно зажал ее в кулаке. Пальцы сошлись под гнутой ручкой.

— Смерзнет, в телогрейке не сподручно.

— Я ему тулуп дам.

— Когда вернетесь?

— К вечеру, должно быть.

— А меня назад привезете?

— Ты, парень, вроде ничего. Доберемся как-нибудь.

Хозяин принес тулуп. Учитель с трудом открыл глаза.

— Сколько должен?

— Приедешь — посчитаемся, а если за труд не сочтешь, купи в раймаге игрушек разных. Внучка именинница вскорости.

— Куплю.

— А деньги как же?

— Приеду — посчитаемся.

Совсем развиднелось. Лошадка трусила бойко. Учитель заснул, завернувшись в тулуп. Возница разбудил его у складов рыбокооп, где брал муку для пекарни. Попрыгали, разминая затекшие ноги. Тулуп валялся в санях медведем. Перекурили, договорились, где встретиться. Воробьи, пригретые солнышком, громко базарили на крыше склада, будто пришла весна и им наплевать теперь на мороз.

В аптеке учитель купил двадцать пузырьков пенициллина, в раймаге — игрушки. Зашел в парикмахерскую, пообедал в столовой и вовремя явился к складам рыбокооп, где его поджидал порядком выпивший возница.

Обратный путь всегда короче. В одном месте дорогу перебежали пар пять куропаток. Возница оживился.

— Брови покраснели.

— Что?

— Брови у куропаток покраснели. Скоро быть весне!

И учителю в самом деле почудилось, что в воздухе повеяло еле уловимым ароматом березовых почек.

Скоро действительно придет весна, и в его родном городе зацветет сирень. Каштаны зажгут душистые белые светильники. Взорвется ослепительное запыленное южное солнце. Ветер принесет непередаваемую по оттенкам запахов свежесть. Каждую субботу на автобусе — к морю. Возьми ялик и целый день борозди бухту, ныряй в подвижную, как эфир, воду, гоняйся за крабами. И вдруг из-за горизонта корабль под алыми парусами. А в скалах есть пещера, и о ней знают только двое...

Сани дали раскат, учителя встряхнуло, он вернулся к действительности. Не успел выкурить сигарету, подъехали к Шайтанке.

Хозяин заезжего двора радовался, как маленький, рассматривая игрушки. Он до слез смеялся над пластмассовой уткой с утятами, которые, переваливаясь на красных лапках, вдруг пошли по столу.

Учитель сутуло сидел у печки. Дым тонкой струйкой стекал с сигареты в поддувало. Хозяин тронул его за плечо.

— Посчитаемся.

— Я думал, мы квиты. А если должен, то сколько?

Хозяин нахмурился, засопел. Порылся в шкафу, достал немецкий нож в ножнах из камуса, с рукоятью желтой кости.

— Вот тебе заместо сдачи.

Через полчаса распрощались. Лыжи скользнули под горку. Какой-то кобель, истошно воя, кинулся вперед, но, застыдившись щенячьей выходки, уселся и стал яростно чесать за ухом, разбрасывая по снегу клочья рыжей шерсти.

Учитель ощутил прилив сил, которого хватило ненадолго. Очень скоро почувствовал сонную одурь, полнейшее безразличие. Казалось, что всю жизнь он идет по этой дороге, что она просто замкнутый круг. Каждый удар сердца четко отдавался в висках. Чуб, выбившись из-под ушанки, смерзся.

По небу громадными грязно-серыми льдинами плыли облака. Зазубренный серп месяца рассекал их, но они снова соединялись и продолжали плыть, сами не зная куда. Ветер, сорвавшись с сосен, пронизывающе дохнул в спину. Серебряными колокольчиками перекликнулись обмерзшие ветви кустов.

Учитель не верил ни в черта, ни в бога, он понимал, что ночью природа такая же, как и днем, только нет света, но, тем не менее, поминутно оглядывался и судорожно ощупывал в нагрудном кармане нож. Сзади никого не было, но как-то подозрительно шуршали кусты и мотались тени сосен по брустверу дороги.

В голову настойчиво лезли рассказы школьного сторожа, ехидного старика. Фельдшер говорил, что тот потихоньку занимается знахарством. В каждом слове у сторожа прибаутки, намеки. Расскажет сказку и хитро прищурится: понимай, мол, как знаешь. Как-то он зашел в физический кабинет, учитель был один, налаживал электрофорную машину. Сторожа она заинтересовала; он все потрогал пальцами, похмыкал и рассказал ни к селу ни к городу про Морока и Оглядку:

— Живет Оглядка на открытом месте, а Морок в тайге, он сродни Лешему. Оглядка, та беззлобная, норовит все больше за спиной идти, шутковать. Начнешь оглядываться, шею свернешь, а нет никого. А все чудится то шорох, то вроде топчет кто, то по имени окликает, то сопит.

А Морок, тот в чаще цареводит, со всех сторон наваливается, душит, к земле прижимает, страх нагоняет. Бежать потянет, а колы побежишь, то либо в болото угодишь, либо глаза о сучья повыбиваешь, а остановиться никакой возможности нету: ноги сами несут. Бежишь, запалишься, сердце-то и лопнет, или заплутаешь и будешь по тайге скитаться ни живой ни мертвый, до скончания века...

— Врешь ты все, дед, — спокойно сказал учитель, выслушав сказку.

Сторож не обиделся. Он подошел к электрофорной машине, закрутил ручку. Между металлическими шариками проскочила крохотная молния.

— Вот видишь, ты вроде Ильи-пророка: сам молнии мечешь.

— Разве это молния, это одна видимость!

— Предположим, а вот над головой у тебя электрическая лампочка светит, может, ты ее не видишь, может, ее вообще нет?

— Есть, чего же там. Только не один седой охотник в тайге ни за грош пропал.

— Причина тут не только в Мороке и Оглядке. Сбился с дороги и растерялся.

— Ты хоть и ученый, а темный человек. Я, к примеру, о чем не понимаю, так и рассуждать не берусь. У тебя свои законы, у тайги свои. Ты не очень гордись своими механизмами: цена им тьфу!..

— Это он надо мной тогда посмеялся, старый хрыч, — вслух сказал учитель. — Он дал понять, что я ничего не стою перед лицом матушки-тайги. Ну, это ты загнул. Мы, физики, атомную бомбу сделали, и каким-то дохлым Мороком нас не заморишь!

Учитель во все горло заорал:

С неба полуденного жара не подступи,
Конница Буденного раскинулась в степи...

Поселок располагался на высоченном берегу реки, на который взобраться напрямки, в лоб, не смог бы и заяц. Дорога, вырвавшись из туннеля таежной просеки, пересекала луг, реку и, упершись в обрыв, резко сворачивала и шла вдоль берега. Получалось: хаты над головой, а пути до них без малого час. Стали видны

огни поселка, будто кусок неба со звездами зацепился за гребень обрыва да так и остался лежать там.

Дорога, больше чем на полтора метра врезанная в снежный покров, представляла собой естественный желоб. Учитель шел не спеша, часто отдыхая, прислонившись боком к стене. Теперь он успокоился и подумал о том, что своей мальчишеской выходкой может бросить тень на фельдшера. На всякий случай придумал оправдательную речь, которая выглядела приблизительно так: «Уважаемый Кузьма Степаныч, если я виноват, то только перед самим собой. Нельзя научиться плавать, не влезая в воду. И не стоит никогда болеть, если рядом не окажется человека, который сбегает в аптеку за пенициллином. А то, что аптека может находиться в одном случае через улицу, в другом — за восемьдесят километров, в расчет не принимается». Он бахвалился перед самим собой, отлично зная, что никогда не скажет речь.

На подъеме учитель запнулся и, падая, разбил лицо о ставшую ребром лыжу. Он полежал, отдохнул, потом обрезал крепления. Ноги стали необыкновенно легкими, мячиком отпрыгивали от земли. За пазухой перекачивались прохладные пузырьки с пенициллином.

Весь воскресный день фельдшер чувствовал себя скверно. Несколько раз собирался сходить на квартиру к учителю, узнать, дома ли он, но, с другой стороны, не хотел поднимать паники: ведь учитель в принципе мог уйти и на охоту. Тогда фельдшер пошел на хитрость. Повстречал у больницы паренька, сказал:

— А ну-ка сбегай к учителю, пусть книгу мне принесет, что вчера обещал.

Паренек вернулся скоро.

— Его дома нету, а хозяйка говорит, что он вчера с вечера на охоту с вами собирался.

— Тьфу ты, а я и забыл!

Через полчаса фельдшер в одном исподнем стоял перед сундуком, доставая из его глубин теплое белье. Прыгая на одной ноге, натягивал вторые кальсоны, вполголоса ругался:

— Ну, погоди, герой! Ишь, взял себе моду поперед бабки в пекло лезть. И из-за чего? Дурость одна, хвастовство. Хочешь жениться, так женись без всяких фокусов. А тут мало, что она хворает, так и ему не терпится поморозиться. Погоди, рассказу вот бабке, какой у нее родственник объявился, она тебе пропишет кузькину мать, она тебе припомнит этот растреклятый антибиотик, леший его задери!

Не переставая ругаться, фельдшер принес из сарая лыжи, осмотрел крепления, провернул на ремешках новые дырки. На улице разгулялся ветер, пошел снег, того и гляди сорвется пурга.

Фельдшер снял ружье и уже перекинул его за спину, когда в сенях послышалась какая-то возня. Он зажег лампу, спустился вниз и через минуту втащил в мезонин запорошенного снегом учителя. Усадив его на стул, сорвал валенки. Вокруг колен к брюкам пристали толстые обручи заледеневшего снега. Осмотрев пальцы ног, фельдшер облегченно вздохнул. Учитель сбросил на пол телогрейку, пиджак. Негнущимися пальцами растегнул рубаху и выстроил на столе, как оловянных солдатиков, двадцать пузырьков пенициллина.

Фельдшер поднес учителю полстакана спирта. Тот выпил, пососал из чайника заварку и сплюнул на пол тягучую красную слюну.

— Лыжи надо с дороги убрать. На подъеме я их бросил.

Учитель закурил, но так и заснул с горячей сигаретой в руках, притулившись к столу. Фельдшер перенес его на кровать, уложил. А сам, захватив пенициллин, заспешил к библиотекарше. Его так и подмывало рассказать все как есть, но он сдержался: пусть парень сам козырнет, если захочет.

Утром фельдшер неловко поднял с пола пиджак учителя. Из карманов посыпались мелкокалиберные патроны, смятые сигареты, письмо и четкая фотография незнакомой девушки, ловко вклеенная между двумя пластинками зеленого плексигласа. Портрет удобно улегся в ладонь, фельдшер долго рассматривал его, потом поднял письмо.

«Милый Лешик, ну что ты наделал? Просто взял и уехал. И нет рядом с тобой твоей Инки. Зачем ты меня здесь оставил одну? Чтобы я ждала, считала часы, дни, недели, годы? Я утешаю себя тем, что ты там, где тебе лучше. Но я не могу к тебе приехать сейчас, сию минуту, ведь впереди еще целый год учебы. Порой мне кажется, что было бы лучше, если бы ты оставил меня тогда, в самом начале. Ты меня прости, Лешка. Я ведь так хочу каждое утро просыпаться с улыбкой, засыпать, думая о тебе. Я не боюсь за тебя, я не ревную, но знаю, что в каждой женщине, которая тебе приглянется просто так, ты будешь видеть меня. Это прекрасно, мой Лешик, но это ужасно несправедливо. Этой зимой бухта замерзла. Пещеру забило снегом. Я приезжаю туда, сижу, как дура, на камушке и думаю, когда же растает лед, когда же наконец войдет в бухту корабль под алыми парусами. Все глупо. Никаких алых парусов нет».

Фельдшер растерянно посмотрел на пузырьки пенициллина, на спокойно спящего учителя и отошел к окну, часто моргая, не то хмурясь, не то улыбаясь.

Солнечное утро обещало оттепель, но к вечеру по безлюдному поселку с воем металась пурга.